

«Certes, ils préfèrent que je ne voie pas certaines choses. Mais ce qu'il ne faut surtout pas, c'est que je leur en raconte d'autres».

«— Vous direz tout?

— Et vous?

— J'essaierai. Si je n'y parviens pas, je m'en voudrais toute ma vie».

«Peuples qui on faim», 1934

«Конечно, все предпочитают, чтобы я не видел некоторых вещей. Но последнее, что я должен делать, так это молчать о них».

«— Ты все расскажешь?

— А вы?

— Я попробую. И если не смогу, то буду винить себя до конца жизни».

«Люди, которые голодны», 1934

Жорж Сименон

ЗАПИСКИ МЕГРЭ

в переводе В. Гитина и Э. Болдиной

Ростов-на-Дону
«ФЕНИКС»
2026

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)6-445.7
КТК 641
С37

GEORGES SIMENON
Les memoires de Maigret (1950)
L'Ami d'enfance de Maigret (1968)
Pietr-le-Letton (1930)

Перевели с французского В. Гитин и Э. Болдина

Сименон, Жорж.

С37 Записки Мегрэ : [романы] / Жорж Сименон ; пер. с франц. В. Гитина и Э. Болдиной. — Ростов н/Д : Феникс, 2026. — 444, [1] с. — (Лучшие дела Мегрэ).

ISBN 978-5-222-45312-4

Три классических детектива Жоржа Сименона о легендарном Мегрэ. Комиссар ведет охоту за дерзкими и опасными преступниками. Атмосферные улицы Парижа, психологическая глубина и неповторимый стиль Сименона делают эти истории настоящей классикой жанра.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)6-445.7

ISBN 978-5-222-45312-4

Les memoires de Maigret © 1950, Georges Simenon Limited, all rights reserved.
L'Ami d'enfance de Maigret © 1948, Georges Simenon Limited, all rights reserved.
Pietr-le-Letton © 1930, Georges Simenon Limited, all rights reserved.
Записки Мегрэ © 2025, Georges Simenon Limited, all rights reserved.
Друг детства Мегрэ © 2025, Georges Simenon Limited, all rights reserved.
Петерс Латыш © 2025, Georges Simenon Limited, all rights reserved.
Translation of the novels © 2012 by Hemiro Limited, all rights reserved.
GEORGES SIMENON ® by Simenon™, all rights reserved.
MAIGRET ® by Georges Simenon Limited, all rights reserved
© ООО «Феникс», оформление, 2025

ЗАПИСКИ МЕГРЭ

1

В которой я без сожаления пользуюсь представившимся случаем и наконец рассказываю о моем знакомстве с неким Сименом

Случилось это в 1927 или 1928 году. У меня плохая память на даты, и я не отношусь к тем людям, которые самым тщательным образом хранят письменные свидетельства всех своих дел и поступков — штука весьма распространенная в нашей профессии и, как показывает практика, крайне полезная, а для некоторых порой и прибыльная. Лишь совсем недавно я вспомнил о тетрадях, куда моя жена без моего ведома и даже украдкой вклеивала газетные статьи, касающиеся моей персоны.

Я, без сомнения, даже мог бы указать точную дату — и все из-за одного дела, которое принесло нам в том году немало хлопот, но у меня не хватило мужества пролистывать все эти тетради.

Да какая разница! К тому же в отношении погоды мои воспоминания точны. Это случилось в один из дней поздней осени, один из бесцветных дней, выкрашенных только серой и белой краской, один из тех дней, которые я называю «канцелярскими», потому что создается впечатление, будто бы в столь тусклой и унылой атмосфере не может произойти ничего интересного; в конторе в такой день от скуки хочется вытащить на свет все документы, покончить с рапортами, давно валяющимися на столе, и быстро, хотя и без энтузиазма, разобраться с текущими делами.

Если я и настаиваю на этих серых тонах, лишенных объемности, то не потому, что питаю слабость к ярким цветам, а только затем, чтобы подчеркнуть, насколько будничным было это событие само по себе — событие, утонувшее в обыденных делах и поступках бесцветного дня.

Было около десяти часов утра. Совещание закончилось четверть часа тому назад: на этот раз оно оказалось коротким.

В наши дни даже малосведущая публика в общих чертах представляет, чему посвящены оперативные совещания в криминальной полиции, но в ту далекую пору большая часть парижан затруднилась бы ответить, какое ведомство расположено на набережной Орфевр.

Ровно в девять часов утра звонок приглашает всех руководителей различных служб проследовать к начальнику полиции, в его большой кабинет, окна которого выходят на Сену. В подобных собраниях нет ничего неординарного. Многие направляются туда, покуривая трубку или сигарету, зажав под мышкой те или иные документы. Рабочий день еще толком не начался, и потому каждый из присутствующих хранит едва уловимый аромат кофе с молоком и круассанов. Пожимаем друг другу руки. Неспешно беседуем, дожидаясь, пока все соберутся.

Затем каждый по очереди вводит патрона в курс дел, которые произошли в его секторе. Некоторые остаются стоять, иногда у окна, и смотрят на автобусы и такси, снующие по мосту Сен-Мишель.

Вопреки распространенному мнению речь идет не только о преступниках.

— Как здоровье вашей дочери, Приоле? Корь?

Я припоминаю, как однажды служащие полиции со знанием дела обсуждали всевозможные кулинарные рецепты.

Конечно, разговор касается и более серьезных проблем: например, глупостей, которые регулярно соверша-

ет сын депутата или министра, причем молодой человек продолжает их делать с явным удовольствием, и потому юнца необходимо срочно приструнить без лишнего шума. Или мы говорим о богатом иностранце, который недавно поселился в роскошном отеле на Елисейских Полях и чье присутствие несколько беспокоит правительство. Или о маленькой девочке, найденной несколькими днями ранее на улице, за которой пока не явился никто из родственников, хотя фотографии малышки опубликованы во всех газетах.

Все присутствующие в кабинете — профессионалы, и происшествия они рассматривают только с профессиональной точки зрения, обходясь без лишних слов, так что все сразу же выглядит крайне простым. Таковы наши будни.

— Ну что, Мегрэ, вы до сих пор не арестовали вашего поляка с улицы Бираг?

Я спешу заявить, что ничего не имею против поляков. И если мне приходится частенько упоминать о них, то вовсе не потому, что дело в некой жестокости или развращенности упомянутой нации. Причина в том, что именно в ту пору Франция, испытывающая нехватку рабочей силы, ввозила поляков тысячами и отправляла их на северные шахты. В Польше желающих уехать находили где придется, порой вербуя целые деревни — мужчин, женщин, детей, — и набивали ими поезда, как в былые времена набивали вагоны чернокожими трудягами.

Надо отметить, что большая часть поляков выполняет свою работу самым добросовестным образом и многие из них стали уважаемыми гражданами Франции. Но, как и следовало ожидать, среди них нашлась небольшая группа людей, которая время от времени доставляет хлопоты полиции.

Рассказывая обо всем этом, быть может, немного бесвязно, я пытаюсь погрузить читателей в атмосферу, царившую в нашем ведомстве в тот период.

— Я бы хотел, патрон, еще два или три дня последить за ним. Он до сих пор не вывел нас на своих сообщников. Но в конечном итоге, рано или поздно, это случится.

— Министр теряет терпение, и все из-за газетных статей...

Ох уж эти газеты! Высокопоставленные чиновники всегда страшатся газет и общественного мнения. Преступление еще толком не успело произойти, а от нас уже требуют, чтобы мы во что бы то ни стало нашли виновного.

Всего через несколько дней нам заявляют:

— Посадите за решетку кого угодно, неважно кого, а за это время общественный интерес к делу уляжется.

Возможно, к этой теме я вернусь позже. Впрочем, в то утро речь шла не о поляке; говорили о преступлении, совершенном абсолютно новым способом, — а подобные вещи случаются редко.

Три дня тому назад на бульваре Сен-Дени в самый полдень, когда большая часть магазинов закрывается на обед, напротив небольшой ювелирной лавки остановился грузовик. Какие-то люди выгрузили из него огромный ящик и положили прямо перед дверью магазинчика, после чего сели в грузовик и уехали.

Сотни парижан прошли мимо этого ящика, не обратив на него никакого внимания. Ювелир, вернувшись из ресторана, где он заморил червячка, нахмурил брови.

И когда владелец магазина отодвинул ящик, оказавшийся подозрительно легким, он заметил, что в его стенке, прилегающей к двери, прорезано отверстие. Точно такое же отверстие красовалось и в самой двери; разумеется, все витрины были разграблены, пропал и сейф.

Расследования подобного рода не приносят славы, но требуют долгих месяцев кропотливой работы и привлечения большого количества людей. Грабители не оставили никаких следов и ни единой компрометирующей улики.

Поскольку подобный метод оказался совершенно новым, было бесполезно использовать картотеку и искать среди той или иной категории злоумышленников.

Все, что у нас имелось, — это большой, ничем не примечательный ящик, и вот уже целых три дня добрая дюжина инспекторов посещала все мастерские, изготавливающие ящики, и, как оказалось, подобные изделия можно встретить в любой из них.

Итак, я вернулся в свой кабинет и начал составлять рапорт, когда прозвучал звонок внутреннего телефона.

— Это вы, Мегрэ? Не могли бы вы зайти ко мне на минутку?

В этом тоже не было ничего удивительного. Каждый день (или почти каждый день) патрон вызывал меня в кабинет, и отнюдь не всегда для того, чтобы обсудить дела; начальника полиции я знал с раннего детства, он частенько проводил отпуск рядом с нашим домом в Алье и был другом моего отца.

В моих глазах он всегда оставался «большим начальником» и настоящим патроном в полном смысле этого слова, ведь именно под его руководством я начинал службу в криминальной полиции, и он не то чтобы покровительствовал мне, но всегда внимательно и ненавязчиво наблюдал за моими успехами. И именно он, одетый во все черное, в неизменном котелке, в одиночестве направлялся под пули к дверям пустующего дома, который вот уже два дня удерживал Бонно и его банда, оказывая сопротивление полиции и жандармерии.

Я говорю о Ксавье Гишаре, человеку с насмешливым взглядом и длинными седыми волосами, как у поэта.

— Войдите, Мегрэ.

В то утро дневной свет был настолько тусклым, что на столе патрона горела лампа под зеленым абажуром. Войдя, я увидел молодого человека, сидящего в кресле у стола; при моем появлении он поднялся и протянул мне руку, когда нас представили друг другу.

— Комиссар Мегрэ. Месье Жорж Сим, журналист...

— Не журналист, а романист, — улыбаясь, возразил молодой человек.

Ксавье Гишар тоже улыбнулся. Мой начальник имел в запасе палитру самых разнообразных улыбок, отражающих все оттенки его настроения и мыслей. Также Гишар обладал изрядной долей иронии, но понимали ее лишь те, кто действительно знал патрона; другие же порой принимали его за весьма наивного человека.

Патрон заговорил со мной со всей серьезностью, как если бы речь шла о крайне важном деле или об очень значительной персоне.

— Месье Симу необходимо ознакомиться с работой криминальной полиции, ему это нужно для написания романов. Как он мне только что рассказал, большая часть человеческих драм разыгрывается именно в этом здании. Он также объяснил, что ему не столь важны детали механизма расследования — эти подробности он уже смог почерпнуть из документов, — как желательно знать все о той обстановке, в которой проходят операции.

Я лишь изредка поглядывал на молодого человека. Ему было около двадцати четырех лет, худой, волосы почти такие же длинные, как у патрона; но главное, что я мог о нем сказать, — ему чужды сомнения, и прежде всего он не сомневается в самом себе.

— Я полагаю, что вы согласитесь показать гостю наше скромное учреждение, Мегрэ?

Уже направляясь к двери, я услышал, как вышеупомянутый Сим произнес:

— Прошу прощения, месье Гишар, но вы забыли сказать комиссару...

— Ах да! Вы правы. Месье Сим, и он это подчеркивает, не является журналистом. Поэтому мы ничем не рискуем: он никогда не разместит в газетах материалы, которые не должны подвергаться огласке. Он обещал, хотя я его об этом и не просил, использовать все, что он здесь

увидит или услышит, исключительно в своих романах, причем в совершенно измененной форме, чтобы не создавать нам никаких сложностей.

Также я слышу, как патрон важно добавляет, склоняясь над корреспонденцией:

— Вы можете доверять ему, Мегрэ. Он дал мне слово.

Я уже тогда почувствовал, что неизвестный писатель сумел заговорить зубы Ксавье Гишару, и впоследствии получил этому доказательства. Итак, месье Сим очаровал моего патрона не только молодой дерзостью; существовала еще одна деталь, о которой я узнал позднее. Дело в том, что кроме службы у начальника полиции была еще одна страсть — археология. Он состоял членом нескольких научных обществ и написал внушительный труд (который я никогда не читал) об истоках возникновения района, на месте которого раскинулся Париж.

Как оказалось, наш Сим об этом знал — я частенько спрашиваю себя, было ли это случайностью — и завел беседу об археологии.

Вероятно, поэтому патрон обратился лично ко мне? Почти каждый день на набережной Орфевр кто-нибудь вынужден «принимать гостей». В основном речь идет о высокопоставленных иностранцах, так или иначе связанных с полицией своей страны, иногда просто о влиятельных избирателях, прибывших из провинции и гордо размахивающих удостоверением своего депутата.

Все это стало обыденным. Экскурсия по криминальной полиции напоминала осмотр исторических памятников, и кто-то даже придумал короткую, но скучную речь, которую каждый сотрудник выучил почти наизусть.

Но обычно всем этим занимаются простые инспекторы, и должна прибыть действительно фигура первой величины, чтобы к «экскурсии» подключили начальника отдела.

— Если вы хотите, — предложил я, — сначала мы поднимемся в службу антропометрии.

— Я бы предпочел начать с вестибюля, если вас это не сильно затруднит.

Тут я первый раз удивился. Впрочем, мой спутник произнес эту фразу самым обезоруживающим тоном и, застенчиво взглянув на меня, пояснил:

— Понимаете, я хотел бы пройти тем же путем, по которому обычно следуют ваши подопечные.

— В таком случае нам следует начать с камеры предварительного заключения, так как большая часть подозреваемых проводит ночь именно там, а затем, уже утром, их доставляют в отдел.

Сим невозмутимо сообщил:

— Я посетил ее прошлой ночью.

Он не делал никаких записей. При нем не было ни блокнота, ни ручки. Несколько минут он постоял в застекленном зале ожидания, где в черных рамках висели фотографии полицейских, погибших при исполнении задания.

— А сколько в среднем их погибает в год?

Затем он пожелал осмотреть мой кабинет. Так уж случилось, что именно в это время рабочие затеяли там ремонт. Я временно занимал кабинет на антресольном этаже, представляющий собой яркий пример старого канцелярского стиля, с неизменной пылью, массивной мебелью из черного дерева и печью, растапливающейся углем, — их и сейчас еще можно встретить в зданиях некоторых провинциальных вокзалов.

Именно в этом кабинете я начинал свою карьеру, именно здесь я просидел пятнадцать лет, работая инспектором, и признаюсь, что до сих пор испытываю нежные чувства к этой большой печи. Зимой я любил набивать ее до отвала углем и смотреть на раскаленный красный чугун.

Это была не столько моя причуда, сколько маленькая хитрость, уловка. Посреди трудного допроса я вставал и начинал медленно перемешивать угли, затем с грохо-

том подкидывал полную лопату топлива, и проделывал все это с таким простодушным видом, что допрашиваемый был совершенно сбит с толку и не мог оторвать от меня глаз.

И хочу вам признаться, что, когда я переехал в свой новый, современный кабинет, оснащенный центральным отоплением, я не раз с грустью вспоминал о моей старенькой печке, но даже и не подумал просить разрешения — мне бы все равно отказали — забрать ее с собой.

Я приношу извинения, что столь подробно останавливаюсь на таких мелочах, но я и сам еще толком не знаю, куда выведут меня мои записи.

Гость внимательно осмотрел мои трубки, пепельницы, часы из черного мрамора, стоящие на камине, маленькую эмалированную раковину за дверью и полотенце, которое всегда пахло мокрой псиной. Он не задал ни единого вопроса, касающегося работы. Казалось, что документы интересовали его меньше всего.

— Если мы поднимемся по лестнице, то попадем в лабораторию.

Здесь он тоже рассеянно окинул взглядом частично застекленную крышу, стены, пол, манекен, которым мы пользуемся для восстановления некоторых деталей преступления, но его не заинтересовала ни лаборатория сама по себе, ни сложная аппаратура, с помощью которой здесь проводились исследования.

По привычке я хотел дать некоторые объяснения:

— Увеличивая примерно в сотни раз любой письменный текст и сравнивая его...

— Я знаю. Знаю.

И в этот момент он, будто между прочим, спросил меня:

— Вы читали Ганса Гросса?

Я никогда раньше даже не слышал этого имени. Впоследствии я узнал, что речь шла об австрийском

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПИСКИ МЕГРЭ

1. В которой я без сожаления пользуюсь представившимся случаем и наконец рассказываю о моем знакомстве с неким Сименоном 7
2. В которой речь идет о правде, именуемой «голой» и ни у кого не вызывающей доверия, а также о правде «подправленной», кажущейся более правдоподобной, чем существующая реальность 25
3. В которой я попытаюсь рассказать о бородатом докторе, оказавшем значительное влияние на жизнь моей семьи и, в конечном итоге, на выбор моей профессии 41
4. В которой я ем птифуры у Ансельма и Жеральдины под пристальными взорами чиновников из Управления мостов и дорог 60
5. В которой речь идет обо всем понемногу: о кованных ботинках, об апашах, о проститутках, о душниках, об улицах и вокзалах 80
6. Этажи, этажи и снова этажи! 98
7. В которой описывается утро, звонкое, как сигнал кавалерийской трубы, и молодой человек, который уже не был худым, но еще не стал слишком толстым 117
8. В которой речь идет о площади Вогезов, о девушке, которая собирается замуж, и о записках мадам Мегрэ .. 135

ДРУГ ДЕТСТВА МЕГРЭ

- 1 145
- 2 167

3	189
4	212
5	234
6	255
7	277
8	285

ПЕТЕРС ЛАТЫШ

1. На вид 32 года, рост 169 сантиметров...	299
2. Друг миллиардеров	307
3. Прядь волос	315
4. Младший офицер с «Морского дьявола»	323
5. Пьяный русский	331
6. «У Сицилийского короля»	339
7. Третий антракт	346
8. Игры закончены	353
9. Наемный убийца	362
10. Возвращение Освальда Оппенгейма	371
11. Суматошный день	377
12. Женщина с револьвером	385
13. Два Петерса	393
14. Корпорация «Угала»	399
15. Две телеграммы	409
16. Мужчина на скале	416
17. Бутылка рома	423
18. Жизнь Ганса	430
19. Раненый	437

Литературно-художественное издание

Жорж Сименон
ЗАПИСКИ МЕГРЭ

Ответственный редактор *Д. Кондратьев*
Дизайн обложки *Д. Поташевой*

RU/BY

ЗАПИСКИ МЕГРЭ. Формат: 60×90/16. Тираж 4 000 экз. Заказ №
Издатель и изготовитель: ООО «Феникс». Юр. и факт. адрес: 344011, Россия,
Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150.
Тел./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 10.2025. Срок годности не ограничен.
Отпечатано в АО «ТАТМЕДИА» Филиал «Полиграфическо-издательский комплекс
«Идел-Пресс»». Юридический адрес: 420097, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2. Фактический адрес: 420066, Россия, Республика
Татарстан, г. Казань, ул. Декабристов, д. 2.

KZ

МЕГРЭ ЕСКЕРТПЕЛЕР. Форматы: 60×90/16. Таралымы 4 000. Тапсырыс №
Баспагер және дайындаушы: «Феникс» ЖШҚ. Заңды және нақты мекенжайы: 344011,
Ресей, Ростов обл., Дон-дағы Ростов қ., Варфоломеев к-сі, 150 үй. Тел.: (863) 261-89-50.
Ресейде дайындалған. Дайындалған күні: 10.2025. Жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Басылды «ТАТМЕДИА» АҚ, «Идел-Пресс» полиграфиялық-баспа кешені» филиалы.
Орналасқан жері: 420097, Ресей, Татарстан Республикасы, Қазан қ., Академическая к-сі,
2 үй. Нақты мекенжайы: 420066, Ресей, Татарстан Республикасы, Қазан қ.,
Декабристы к-сі, 2 ғимарат.

16+

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.*